

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Вечер. Юный поэт Кобыльников (он же и столоначальник губернского правления) корпит над мелко исписанным листом бумаги в убогой своей квартире и с неслыханным озлоблением грызет перо и кусает ногти. Уже седьмой час; еще час, и квартира советника Лопатникова озарится веселыми огнями рождественской елки; еще час, и она выйдет в залу, в коротеньком беленьком платьице (увы! ей еще только пятнадцать лет!), выйдет свеженькая и улыбающаяся, выйдет вся благоухающая ароматом невинности!

– А что, мсьё Кобыльников, вы исполнили свое обещание? – спросит она его.

При этой мысли Кобыльников вскочил со стула как ужаленный и схватил себя за голову. Он начинал сознавать, что заложил слишком большой фундамент своему стихотворению. Уж две строфы, каждая в восемь стихов, готовы и переписаны, но, судя по развитию, которое принимала основная мысль, нельзя было даже приблизительно предвидеть, какой будет исход ее. Он уже принес достаточную дань восторгов возникающим красотам милой девочки; упомянул и о платьице, и о шейке лилейной, и о щечках «словно персик пушистых»...

И о том, о чем хотел бы, да не смею говорить...

Теперь он задал себе вопрос: кому суждено обладать всеми этими сокровищами, старцу ли бессильному или поэту чернокудрому? Уж он начертал два первых стиха:

О, скажи ж, чей мощный образ
Эту грудь воспламенит? Эти перси...

Но тут воображение окончательно отказывалось служить. Рифма на «образ» решительно не приходила; то есть, коли хотите, и приходило кое-что в голову, но все какая-то чушь: «вобраз», «нообраз» – черт знает какая дребедень!

– Нет, да каково же! каково же! – вопиял он в отчаянии, – каково это с первого же раза подлецом себя выставить!

А время между тем равнодушно смотрело на его горесть и подвигало да подвигало вперед часовую стрелку. Кобыльников тоскливо взглянул на часы и увидел, что до семи остается только пять минут.

– Нет, ни за что на свете не поеду! – воскликнул он, бросаясь в изнеможении на стул, – лучше один посижу, лучше без ужина останусь, нежели подлецом себя выставлю!

«Нобраз!» – насмешливо шептало между тем воображение.

– Фу! мерзость! и прилежут же в голову такие пошлости, что ни складу ни ладу нет!

Кобыльников плюнул с досады.

– Ни за что не поеду! – повторил он, но вслед за этим ни с того ни с сего раздумался.

Молодость вдруг заговорила в нем ласкающими голосами. Перед глазами его рисуется залитая светом зала; посреди ее стоит елка, вся изукрашенная разноцветными лентами и фольгой; елка, которой ветви гнутся под бременем пастилы и других соблазнительных сластей. А вон и беленькое платьице, вон и головка, обрамленная темными кудрями! Господи! что за грация в очертаниях этой головки! что за свежесть, что за сокровища в этой едва-едва начинающей развиваться груди! И что за веселые звуки пролетают по комнате, когда эта милая девочка засмеется! Точно вот солнышко выглянет из-за хмурых туч, и все вдруг кругом улыбнется: и речка, которая до тех пор лениво катила серые волны, и ближняя лужайка, скрывавшая свой цветной ковер от дождей и холодов угрюмого ненастья, и статский советник Поплавков, который сидит за карточным столом и двадцатый раз сряду озлобленно произносит «пас!». Вот она пошла танцевать – и все-то выходит у нее не так, как

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru у других. Посмотрите, например, или, лучше сказать прослушайтесь, как танцует Настя Поплавкова, Нюта Смуценская! «Конь бежит, земля дрожит!» А она! Неслышно, почти незримо летает она по крашеному полу, нимало не задевая крошечными ножками за землю, и вся как будто уносится и исчезая вверх!

Но, кроме того, и ужин не лишен своей прелести. Уже накрывается длинный стол в задней комнате, и хотя руки дворового официанта Андрея не совсем чисты, но, судя по хлебосольным привычкам хозяина, нельзя сомневаться, что на столе будет и свежая осетрина, и жирный зажаренный лещ, и все, одним словом, что приличествует кануну такого великого праздника, как рождество Христово.

– И надо же быть такому несчастью! – рассуждает сам с собою Кобыльников, но рассуждает как-то вяло, без прежних порывов. Вообще видно, что картины, которые нарисовало ему воображение, произвели заметное расслабление во всем его организме.

В это время часы прошипели семь. Кобыльников машинально встал со стула и направился к платяному шкапу.

«Нобраз! нобраз!» – шлепнул вдруг враждебный голос и остановил его на половине дороги.

С минуту еще длилась борьба его с самим собою, но наконец молодость взяла-таки свое. Кобыльников поспешно натянул на себя фрак и, взглянув на переписанные две строфы, покусился было попытать счастья, нельзя ли сбить их с рук в том виде, в каком они были, но, по внимательном прочтении, стихотворение показалось ему еще более недостаточным, нежели когда-либо. С досадою отшвырнул он его от себя и выбежал из квартиры.

На дворе стояла ночь, та слепая, досадная ночь, которая может случиться только в далеком, провинциальном городке, где откупщик еще не доведен кроткими мерами до сознания своей обязанности жертвовать достаточное количество спирта для освещения улиц. Злой и резкий ветер несея по улице, поднимая и крутя в воздухе целые столбы снежной пыли, взвизгивал, и завывал, ударяясь об углы домов. Хорошо, что Кобыльникову предстояло пройти не более тридцати шагов, а не то пришлось бы, ему, бедному, воротиться в квартиру и опять сесть за сочинение распроклятых стихов.

«Нобраз!» – взвизгнул вдруг ветер в самые уши поэта.

– Фу ты, черт! – пробормотал Кобыльников и, плотнее завернувшись в шинель, с усилием начал карабкаться вперед, утопая в сугробах снега, заваливших тротуар.

Но вот уж брезжит свет сквозь снежный туман: сначала он мелькает в виде крошечного круга, но мало-помалу круг разрастается, и освещенные окна советничьей квартиры представляются взору во всем их заманчивом великолепии. Издрогший и измученный, врывается Кобыльников в переднюю желанного дома и долгое время поправляет потерпевшие от снега части своего туалета. – А! молодой человек! милости просим! – встречает его хозяин дома, Иван Кузьмич Лопатников, – ну что, одолели капустниковское дело?

– Кончил-с, – отвечает Кобыльников и мысленно говорит самому себе: «Что, если б ты знал, что я, вместо капустниковского дела, целые три часа корпел над сочинением стихов?»

– То-то, а не то нас с вами новый генерал совсем съест!

Но, разговаривая с хозяином, Кобыльников улучшает, однако ж, минуту, чтоб бросить взгляд в сторону, и с удовольствием примечает, что точно такой же взгляд выглядывает из-за елки и на него. Он спешит оставить гостеприимного хозяина и всеми силами души устремляется туда, откуда блеснул ему теплый луч привета и детской привязанности.

Читатель! не знаю, живали ли вы в провинции, но я, который благоденствовал в Вятке и процветал в Перми, жуировал жизнью в Рязани и наслаждался душевным спокойствием в Твери, я смею вас удостоверить, что воспоминания о виденных мною елках навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями пройденной жизни! Во-первых, какая-то умиротворяющая, праздничная струя носится в это время в

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
воздухе, какая-то светлая, радостная мысль просится в душу при виде этих
зажженных свечей, этих полных, румяных лиц, при звуках этого говора и смеха; а
во-вторых, что за прелестные создания эти дети! как пылливо озираются их
умненькие глазки! и как мало похожи они на своих отцов, тут же предстоящих и с
томлением выжидающих момента, когда можно засесть за зеленый стол или приударить
по питейной части! Иной родитель расползся поперек себя толще, лицо у него на
круг швейцарского сыру похоже, даже носу словно совсем нет, а сынок у него,
смотришь, шустренький, черномазенький, глазки так и прыгают, а носик римский,
тоненький, словно выточенный; иной родитель похож на артиста, черноволосый,
худощавый, бледный и вообще, что называется, интересный jeune homme, а сынок у
него похож на губернатора, который, в свою очередь, похож на копну. Вот и поди
ты! Смотришь, бывало, на этих улыбающихся, кудрявых детей, смотришь и думаешь:
неужели Ваня будет когда-нибудь советником питейного отделения? неужели эта
резвая, быстроглазая Ляля будет когда-нибудь вице-губернаторшей? И, подумавши,
взгрустнешь потихоньку.

Коля, мой друг! не отплясывай так бойко казачка, ибо ты не будешь советником
питейного отделения! Скоро придет бука и всех советников оставит без пирожного!
Но ты, быть может, думаешь, что ум человеческий изобретателен, что он и из
патентов пирожное сделать сумеет – о, в таком случае веселись, душа моя!
отплясывай казачка с свойственной твоим летам беспечностью и доверчиво взирай на
будущее! Ляля, милый мой ребенок! Не скругляй так своих маленьких ручек, не
склоняй так кокетливо головушку на правую сторонушку, не мани так мило Митю
Прорехина, ибо Митя не будет вице-губернатором! Скоро придет бука, и всех
вице-губернаторов упразднит за ненадобностью! Но, быть может, ты думаешь, что не
в названье сила, что не исчезнет с лица земли русской чернилоносное
чиновническое воинство, – о, в таком случае, мани, мани Митю Прорехина! ибо не
малым будет он в этом воинстве архистратигом!

– Принесли? – спрашивает между тем Наденька у Кобыльникова, который, пунцовый
как вишня, стоит перед нею, переминая в руках шляпу.

– Я-с, Надежда Ивановна... я-с... я начал, но еще не окончил, – заикается
Кобыльников.

– А я так думаю, что вы только похвастались, что умеете стихи писать!

И Наденька порхнула от него, как птичка.

– Я, Надежда Ивановна, много уж написал, – умолял вслед ей Кобыльников.

Но Наденька была уже далеко и щебетала, окруженная своими подругами.

– Ах, дай поскорее! – умоляла Нюта Смущенская.

– Mesdames! мы уйдем читать в спальную! – говорила Настя Поплавкова.

– Нечего читать! он только похвастался! он совсем и не умеет писать стихи! –
отвечала Наденька голосом, которому она усиливалась сообщить равнодушный тон, в
котором слышалась, однако ж, досада, – mesdames, мы его не будем принимать
сегодня в наше общество!

В это время Кобыльников приблизился.

– Наденька! – сказал он умоляющим голосом.

Наденька вскинула головку и взглянула на него так гордо, что бедный поэт
внезапно почувствовал себя глупым.

– Вот еще новости! – сказала Наденька, и притом так громко, что Кобыльников
осмотрелся во все стороны и не на шутку струсил, чтоб восклицания этого не
услышал папа Лопатников.

После того вся юная компания порхнула в другую комнату, оставив Кобыльникова
окончательно убитым.

– Какой он, однако ж, жалкий! – заметила при этом Нюта Смущенская.

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru – Вот еще, жалкий! хвостун – и больше ничего! – хладнокровно ответила жестокосердая Наденька.

Кобыльников стоял словно обданный холодной водой. На душе у него было смутно и пусто, и как на смех еще подвернулись тут два скверные и глупые стиха:

Ничто меня не утешает, Ничто меня не веселит... –

которые так и жужжали, словно неотвязный комар, в ушах его.

«Что за проклятый вечер! Сначала эта рифма подлейшая, а теперь вот и еще какая-то мерзость лезет!» – подумал Кобыльников и даже сгорел весь от стыда.

А вечер между тем шел своим чередом.

Папа Лопатников без трех обремижил статского советника Поплавкова, несчастье которого до такой степени поразило присутствующих, что все, даже играющие, как-то сжались и притихли, как бы свидетельствуя этим скорбным молчанием о своем сочувствии к великому горю угнетенного многочисленным семейством мужа. Поплавков сидел красный как рак и как бы не понимал, что вокруг него происходит; даже ремиза не ставил, а бессознательно чертил пальцем по столу какую-то необыкновенную цифру. Супруга же его, заглянув в комнату играющих, тотчас повернула налево кругом и сказала во всеулышание:

– А мой дурак только и дела, что проигрывает!

Дети шумели и волновались: Митя Прорехин доказательно убеждал Васю Затиркина отдать ему свою долю орехов, приводя в основание такой резон, что у того, кто кушает много лакомства, делаются со временем соломенные ножки. Маня Кулагина упрашивала братца Сашу представить, как у них на дворе индейские петухи кричат: «Здравия желаем, ваше благородие!» Сеня Порубин, мальчик горбатенький и злющий, как бы провидя, что происходит в душе Кобыльникова, подбежал к нему и начинал задирать насчет отношений его к Наденьке, причем позволял себе даже темные намеки относительно каких-то интимностей, будто бы существовавших между Наденькой и первоклассником-гимназистом Прохоровым, который в это самое время забился в угол и, видимо, наслаждался, ковыряя в носу. И Кобыльников никак не мог поймать Порубина, чтоб надрать ему хорошенько уши, потому что скверный чертенок, произведя ехидство, ускользал из рук его, как змея.

Наденька то и дело порхала по комнате и, как нарочно, смеялась и болтала с особенным увлечением именно в то время, когда проходила мимо огорченного поэта. Злую мысль внушил Кобыльникову Сеня Порубин.

– Еще бы не быть веселой, когда душка Прохоров здесь! – процедил он сквозь зубы в одну из минут, когда Наденька была близко него.

Наденька вспыхнула и как будто оступилась.

– Вы это что говорите? – спросила она, останавливаясь перед ним.

– Ничего; я говорю, что не мудрено, что некоторым людям весело: душка Прохоров здесь! – глупейшим образом настаивал Кобыльников, поигрывая ключиком от часов.

– Я надеюсь, однако, что от этой минуты между нами все кончено? – сказала Наденька и тотчас же удалилась.

– Это как вам угодно-с, – говорил вслед Кобыльников, – конечно, со мной расстаться что же значит, когда есть в запасе душка Прохоров!

Обида эта глубоко уязвила крошечное сердце Наденьки, тем более уязвила, что в упреке Кобыльникова была некоторая доля правды. Действительно, был короткий промежуток времени, но очень, впрочем, короткий, когда Наденька увлекалась Прохоровым. Слишком рано развитый ребенок, она уже мечтала о чем-то; она украшала Прохорова различными достоинствами и добродетелями, которые создавало ее детское воображение; она любила уединяться с ним и с большою важностью говорила ему: «Теперь, Прохоров, потолкуемте о вашем будущем!»

Но Прохоров любил только ковырять в носу и говорил с увлечением единственно о

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru лакомствах, потому что в душе был великий и страстный обжора. Увлечение Наденьки скоро прошло: она была даже убеждена, что никто ничего не заметил... и вдруг!! Наденька бегала около елки, суежилась и болтала без умолку, но сердце ее работало. Среди начатой фразы она вдруг почувствовала, что нечто теснит ее грудь, что нечто жгучее подступает к ее глазам. Она вырвалась из толпы и убежала во внутренние комнаты.

Кобыльников все это видел, но ничего не понял. Он видел, что Наденька весела, и понял только то, что у Наденьки, должно быть, башмачок развязался, если она стремительно убежала.

А Наденька между тем, уткнувшись в подушку, обливала ее горячими слезами. И чем обильнее лились эти слезы, тем мягче и легче становилась самая обида, вызвавшая их, тем назойливее и назойливее смотрелось в душу иное чувство, чувство, которое в одно и то же время и заставляло ныть ее бедное сердце, и проливалось в него целые потоки радости и успокоения.

– Гадкий Кобыльников! – сказала она с последним всхлипыванием, – бедный Митенька! – повторила она вслед за тем, сладко задумавшись.

Елка между тем догорела; по данному знаку дети ринулись на нее всей толпой и тотчас же повалили на землю; произошло всеобщее замешательство; слышался визг, смешанный с кликами торжества; Сеня Порубин, несмотря на свою хилость и многочисленные изъяны, как-то так изловчился, что успел запихать в свои карманы чуть ли не половину гостинцев; Прохоров тоже полез было на фуражировку вместе с прочими, но ему не удалось достать ни одной палочки пастилы, потому что дети подкатывались ему под ноги и решительно не давали приняться за дело как следует; да к тому же и няня маленьких Поплавковых без церемонии поймала его за руку и вывела из толпы, сказав при этом строго: «Стыдись, сударь! такой большой вырос, а с детьми баловаться хочешь! еще Машеньке ручку отдавишь!»

Как было бы совестно Наденьке, если бы она видела эту сцену!

Но об ней вспомнили только тогда, когда елки уже не существовало. Папа Лопатников серьезно обеспокоился и собрался было на поиск за своею девочкой, как она появилась сама в дверях залы.

Наденька была несколько бледна, но на вопрос папаша: «не болит ли головка?» отвечала: «не болит», а на вопрос: «не болит ли животик?» отвечала: «ах, что вы, папаша!» и, вся вспыхнувши, спрятала свое личико на отцовской груди.

– Что же с тобой, душенька? – допрашивал папаша.

– Ах, папаша, какой вы! – отвечала Наденька и порхнула от него в сторону.

Во время этого допроса у Кобыльникова как-то все выше и выше поднималось сердце, и вдруг сделалось для него ясно, что он прескверную штуку сыграл, сказавши Наденьке такую пошлость. С злобою, почти с ненавистью взглянул он на Сеню Порубина и начал было показывать золоченый орех, чтоб подманить его к себе, но Сеня словно провидел, что делается в душе его, и, сам показывая ему целую кучу золоченых орехов, только смеялся, а с места не трогался.

«Ну, черт с тобой! когда-нибудь после разделаемся!» – подумал Кобыльников и в ту же самую минуту как бы инстинктивно взглянул в ту сторону, где была Наденька.

Оттуда глядели на него два серых глаза, и глядели с тем же безграничным простодушием, с тою же беззаветною нежностью, с какою они приветствовали его из-за елки в минуту прихода. Точно приросли к нему эти глубокие, большие глаза, точно не в силах были они смотреть никуда в другую сторону. Кобыльникову почуялось, словно кровь брызнула у него из сердца и вот истекает капля по капле и наполняет грудь его! Горячо и бодро вдруг стало ему.

– Посмотрите-ка, Надька-то! – шептала змеище Поплавкова горынчищу Порубиной – глаз не может от этого молокососа отвести, словно съесть его хочет!

– Влюблена, Анна Петровна, как кошка влюблена! – отвечала татап Порубина и как-то злобно дрогнула при этом плечами.

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
– Удивляюсь, однако, чего этот старый дуралей смотрит!

– А чем же он не партия? Для бесприданницы и этакой хоть куда!

– Ну, да все же...

– Вы что же ко мне не идете? – спрашивала между тем Наденька Кобыльникова тем полушепотом, в который невольно переходит голос, когда идет речь о деле, затрагивающем все живые струны существа.

Кобыльников не отвечал; он просто-напросто задышался.

– Вы что ко мне не идете? – повторила Наденька.

Он продолжал молчать, хотя сердце в нем умирало от жажды высказаться. Он чувствовал, что если вымолвит хоть одно слово, то не в силах будет выдержать. Может быть, он бросится к Наденьке и стиснет в своих руках это доброе, любящее создание; может быть, он не бросится, но зальется слезами и зарыдает...

– Вы отчего мне руки не даете? – настаивала Наденька.

– Наденька! – вырвалось из груди Кобыльникова.

– Вы зачем глупости говорите?

– Голубчик! – простонал Кобыльников.

– А когда будут стихи?

Кобыльников уж совсем было собрался отвечать, что стихи не миф, что стихи почти совсем готовы, что не только одно стихотворение, но десять, двадцать, сто стихотворений готов он настроичить на прославление своей милой, бесценной Наденьки, как вдруг скверный мальчишка Порубин испортил все дело.

– Вобраз! – пискнул он, едва-едва не проскакывая между ног Кобыльникова.

Кобыльникову показалось, что сам злой дух говорит устами мальчишки.

– Ты почему знаешь? – сказал он, рванувшись в погоню за мальчиком и поймав-таки его, – нет, ты говори, почему ты знаешь?

– Мамаша, меня Кобыльников дерет! – завизжал во всю мочь Сеня.

При этом восклицании Кобыльников невольно выпустил из рук свою добычу и даже начал гладить Сеню по голове.

– Нечего, нечего гладить по голове! – шипел юный змееныш, – мамаша! он меня дерет за то, что я его поймал с Наденькой.

Началось следствие.

– Позвольте узнать, Дмитрий Николаич, что вам сделало невинное дитя? – допрашивала Кобыльникова оскорбленная татап Порубина.

– Ваш сын мне сказал дерзость! – отвечал совершенно растерявшийся Кобыльников.

– Мамаша! Я ничего ему не говорил! – с своей стороны жаловался Сеня, искусно всхлипывая.

– Ваш сын сказал мне: «вобраз»! – внезапно брякнул Кобыльников.

– «Вобраз»! что такое «вобраз»? и чем же это слово для вас обидно?

Говоря это, татап Порубина сомнительно покачивала головой и разводила руками.

– Ну да! вобраз, нобраз, собраз, побраз! – дразнил обозлевший Сеня, приплясывая перед Кобыльниковым.

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru – Извольте видеть? – сказал Кобыльников.

– Вижу! Все вижу! стыдно вам, молодой человек! Сеня! отойди прочь от них и не смей никогда с ними разговаривать!

Порубина величественно удалилась, уводя за руку Сеню и беспрестанно оглядываясь, как бы в опасении, что за ней бежит по пятам сама чума.

Кобыльникову сделалось скверно; он вдруг почувствовал, что не только скопрометировал Наденьку, но и сам сделался смешным в ее глазах. Сколько он сделал в этот вечер глупостей! он сделал их три: во-первых, увлекся нелепой рифмой, которая помешала ему кончить стихи, между тем как можно было бы один стих и нерифмованный вставить (самые лучшие поэты это делают!); во-вторых, сказал Наденьке какую-то пошлость насчет ее отношений к Прохорову; в-третьих, связался с пакостнейшим мальчишкой, который, наверное, произведет скандал на весь город. Кобыльникову показалось, что все глаза обращены на него, что все лица проникнуты строгостью и что даже служитель Андрей намеревается взять в руки метлу, чтоб вымести ею из честного дома гнусного соблазнителья пятнадцатилетних девиц. Кобыльникова бросило в жар; чтоб оправиться от своего смущения, он поспешил юркнуть в хозяйский кабинет.

Там за несколькими столами шла игра. Играл в ералаш председатель казенной палаты с губернским прокурором против советника казенной палаты и батальонного командира. Председатель казенной палаты был не в духе; к нему пришло двенадцать пик без туза и двойка червей; он сходил с двойки пик – туз оказался у партнера, который, однако, отвечать не мог.

– Сижу на капиталах! – жаловался председатель, – ведь это все франки! все франки!

Прокурор был смущен; он понял игру и старался только угадать, какая же у председателя тринадцатая карта. Председатель, как бы провидя его думу, поспешил рассеять все сомненья и откровенно показал свою двойку червей, убеждая только, чтоб прокурор играл скорее.

Напротив того, к советнику валило: во всем у него была и игра, и поддержка, но самое счастье не радовало его, ибо он чувствовал, что оно огорчает его начальника. Поэтому он всячески старался оправдаться: разбирая карты, пожимал плечами, как бы говоря: «ведь лезет же такое дурацкое счастье!»; делая ход, не клал карту на стол, а как-то презрительно швырял ее, как бы говоря: «вот и еще сукин сын туз!» Но председатель не принимал ничего в уважение, а, напротив того, взъелся на своего подчиненного.

– Вы зачем же игру-то свою раскрываете? – пристал он к нему.

Советник сделал ренонс.

– У вас трэф нет? – строго спросил батальонный командир.

– Нет-с... есть-с, – заикался советник.

«И солгать-то не умеет!» – подумал председатель.

А Кобыльников смотрел на играющих и все думал, как бы чем-нибудь таким увенчать этот вечер, чтоб за один раз искупить все три глупости. Ему вдруг сделалось хорошо и весело; ему представилась большая освещенная комната; посреди комнаты стоит Наденька в белом тарлатановом платье, а подле Наденьки стоит он; у них в руках бокалы с шампанским; к ним подходят гости, тоже с бокалами в руках, и поздравляют.

– Иван Дементыч! – сказал он дрожащим голосом, подходя, под влиянием этих радужных мечтаний, к хозяину дома, – позвольте мне несколько слов вам наедине сказать-с...

Иван Дементыч посмотрел на него с неудовольствием, потому что это неожиданное вмешательство отвлекало его от игры. Однако, видя, что Кобыльников весь дрожал, он встревожился.

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
– Что такое еще? уж не затерял ли капустниковского дела? – спросил он.

– Мне-с... наедине! – повторил Кобыльников.

Иван Дементыч отошел с ним в сторону.

– Ну? – сказал он.

– Мне-с... я желаю... – заикался Кобыльников, к которому вдруг возвратилась вся его робость.

– Да говори же, любезный, не мни! – с досадой торопил Иван Дементыч.

– Я прошу руки Надежды Ивановны! – скороговоркой проговорил Кобыльников.

Иван Дементыч повернул жениха к свету и на одно мгновение посмотрел на него с любопытством. Потом тотчас же пошел на старое место, предварительно отмахнувшись, как будто хотел согнать севшую на нос муху. Кобыльников остолбенел и расставил не только руки, но и ноги; в глазах у него позеленело, комната ходила кругом. Он понимал только одно: что эта глупость была четвертая и притом самая крупная. Вдруг он почувствовал, что промеж ног у него что-то копошится – то был Сеня Порубин.

– Ан, это четвертая! – дразнился скверный мальчишка, очевидно, схватывая на лету интимную мысль, терзавшую бедного Кобыльникова.

Кобыльников даже не слышал; он был уничтожен и опозорен, хотя рара Лопатников, возвратясь на место, точно так же равнодушно объявил семь в червях, как бы ничего и не случилось. А Порубин между тем все подплясывает да поддразнивает: «Ан, четвертая! ан, четвертая!» Кобыльников крадется по стенке, чтоб как-нибудь незаметным образом улизнуть в переднюю. Сеня Порубин замечает это и распускает слух, что у беглеца живот болит. Кобыльников слышит эту клевету и останавливается; он бодро стоит у стены и бравирует, но, несмотря на это, уничтожить действие клеветы уже невозможно. Между девицами ходит шепот: «Бедняжка!» Наденька краснеет и отворачивается; очевидно, ей стыдно и больно до слез.

«Собраз»! – подсказывает проклятая память, и Кобыльников, словно ужаленный, бросается вон из комнаты, производя своим бегством игривое шушуканье между девицами.

И вот опять Кобыльников сидит в одинокой своей квартире, сидит и горько плачет! Перед ним лежит капустниковское дело, а слезы так и текут на бумагу; перед ним: просит купец Капустников, а о чем, тому следуют пункты – а у него глаза заволкло туманом, у него сердце рвется, бедное, на части!

Сквозь эти слезы, сквозь эти рыдания сердца ему мелькает светлый образ милой девочки, ему чудится ее свежее дыхание, ему слышится биение ее маленького сердца...

– Митенька! – говорит она, вся застыдившись и склоняя на его плечо свою кудрявую головку.

– Mesdames! – шепчут кругом девицы, – mesdames! у Кобыльникова живот болит!

Кобыльников вскакивает и начинает ходить по комнате, схватывая себя за голову и вообще делая все жесты, какие приличны человеку, пришедшему в отчаяние.

«Вобраз»! – кричит вдруг неотвязчивая память.

Кобыльников закусывает себе в кровь губу от злости; он опять садится к столу и опять принимается за капустниковское дело, в надежде заглушить в себе воспоминания вечера.

А за перегородкой возятся хозяева-мещане. Они тоже, по всему видно, воротились из гостей и собираются спать. Слышны вздохи, слышно вынимание ящиков из комодов, слышен шелест какой-то, который всегда сопровождает раздевание и укладывание. Наконец все стихло.

Для детского возраста. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru

– Дура ты или нет? – допрашивает хозяин свою хозяйку, – дура ты или нет?

– Ты проспись, пьяница! ты опомнись, какой завтра праздник-то! – усовещивает хозяйка.

– Нет, ты мне скажи: дура ты или нет! – настаивает хозяин.

За перегородкой слышится потрясающее зеванье. Голова Кобыльникова мало-помалу склоняется и, наконец, совсем упадет на капустниковское дело. Ему снится елка, ему снится, что он стоит посреди освещенной залы и что рядом с ним, вместо Наденьки, стоит купец Капустников и просит, а о чем, тому следуют пункты...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!